

Танкер «Дербент»: Ветер -3

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Ветер -3 3.

Басов провел в машинном отделении ночную вахту. Ему очень хотелось спать. Но утром начался шторм, и спать не пришлось. Вода, вытекавшая из рубашек цилиндров, вдруг сделалась горячей. Басов попробовал воду на ощупь и обжег пальцы. Оказалось, что насос подает забортную воду с перебоями из-за сильной качки. Пришлось налаживать циркуляцию.

К полудню шторм усилился, и волны стали обнажать гребные винты. Запрыгали стрелки приборов, и грохот машин постоянно менял тон. Идти с Прежней скоростью становилось опасным, но Басов все еще не хотел снижать обороты дизелей и несколько раз поднимался на палубу, чтобы взглянуть на погоду. Тогда у машин оставался его помощник Задоров. Он нервничал, поминутно переводя глаза с приборов на верхнюю дверь, откуда должен был появиться Басов, и палил папиросу за папиросой. А ветер все усиливался и гнал на юг зеленые водяные горы, увенчанные пышными кружевами пены. По временам сек крупный косой дождь, облака шли совсем низко, плотно обложив горизонт. Позвонили из штурманской рубки, и, подойдя к аппарату, Басов услышал голос капитана.

— Как у вас там? — спрашивал Евгений Степанович.

— Все в порядке, но зыбь открывает винты. Надо бы убавить обороты.

— Вы думаете? Хорошо... Убавить обороты.

— Есть убавить обороты!

Басов ожидал отбоя, но после небольшого молчания трубка нерешительно:

— Постой-ка... Может быть, повременить?..

Тогда Басов бросил трубку на рычаг, подошел к щитам и повернул оба маховика. Задоров дремал, опустившись на корточки и покачиваясь во сне, как дервиш. Судно накренилось, и он свалился на бок. Поднялся, потирая ушибленное бедро, и сонно

выругался. В машинном отделении парило сильнее обыкновенного или это только казалось Басову. Его неудержимо клонило ко сну. Была минута, когда он забылся, стоя у щита с открытыми глазами. Ему показалось, что он на берегу, у себя дома, и Муся положила ему руки на плечи и ласково, тихонько качает его: то притянет, то оттолкнет, и это было очень понятно, потому что она ведь сердилась на него за что-то. Теперь она не знает, что ему сказать, когда он так вдруг явился... Кто-то стучит, молотком по железной крыше и грузно чавкает, точно месит тесто, и Муся укоризненно качает головой. «Третья вахта, – говорит она сердито, – третья вахта, Саша... Так нельзя». Он вздрогнул и открыл глаза.

– Третья вахта, говорю, сменяется, – кричал Гусейн, улыбаясь, – а ты все стоишь. Уморишь себя, ну тебя к черту... А со мной происшествие было, слышь ты?

– Происшествие? – переспросил Басов, моргая глазами. – Ну-ну... А как там погода, не видно конца?

– Какое... одиннадцать баллов нагнало, – по радио сводку давали сейчас. Такая свистопляска! А со мной происшествие было... только ты ругаться будешь, я знаю!

Мустафа был горяч и весел. Фуражку его унесло волною, и он повязал голову платком, взятым у горничной Веры. Он рассказывал, как накрыло его волной на палубе, и делал большие глаза, чтобы вышло пострашнее, но видно было, что ему вовсе не страшно вспоминать об этом. Потом он посмотрел на приборы и отошел, чтобы проверить смазку двигателей и попробовать на ощупь отработанную воду. Некоторое время Басов, наблюдал за ним, стоя у щита, потом задремал. Муся снова вышла из темного угла, она приближалась. Нестерпимый жар шел от нее. Она опустила ресницы и склонила голову, словно стыдясь, что пришла к нему первая. Он испугался, как бы она не вернулась назад в темноту, и взял ее за руки. «Ты рад, что я с тобой? – спросила она. – Тогда я здесь останусь. Хочешь?» И. он подумал, что это есть то самое, чего он хочет от нее, и кивнул головой. Но она вдруг заплакала и сердито сказала; «В прошлом году сгорел нефтевоз «Партизан». Ты, коммунист, скажи-ка: вас послали в Красноводск, – разве это не преступление?» Он хотел ответить,

но Муся уже не плакала, а тянула его за руку, и в глазах ее он увидел очень знакомое старческое выражение, тоскливое и жалобное, как у больной собаки. «По-моему, тебе лучше уйти отсюда», – сказал он, вырывая руку, и тотчас открыл глаза.

Перед ним стоял слесарь Якубов и протягивал ему тарелку с хлебом и котлетами. Басов взглянул на часы, – был час обеда, и он вдруг почувствовал, что очень голоден.

– Как это ты догадался? – сказал он смущенно, принимаясь за еду. – А я и сам не знал, что хочу есть. Вот так парень!

Якубов не уходил и смотрел, улыбаясь, как Басов ест, и глаза у него были преданные, добрые, немного насмешливые. Снаружи грохнуло мягко, словно ударили в бубен. Колыхнулись черные тени двигателей, и забулькала под стланью вода. Сверху посыпалось что-то, похожее на крупный дождь, и Якубов тревожно оглянулся. Но, видя, что Басов продолжает есть, тут же успокоился.

– Ну, спасибо, – сказал Басов, отдавая тарелку. – Что нового наверху?

– Все по-старому. Одиннадцать баллов, говорят.

Вода проникла в нижний коридор и в канатный погреб, где дверь не успели задраить. Палубные матросы с ног сбились. А Котельников все мается тошнотой. С лица позеленел и жалуется, что у него сердце зашло. Принес я ему леденца пососать – не берет. Оно, конечно, кто как переносит, а я, например, ничего! По-моему, даже красиво. Очень замечательный шторм. Немного жутко, не без того. Чувствуешь, что ты букашка, тля...

– Жутко? – переспросил Басов, сонно улыбаясь. – Ну-ну... Ничего. Он опять прислонился к щиту, опустил голову и, засыпая, коротко, радостно подумал: «До чего удобно!»

На этот раз сон был хрупкий и непрочный, и он все время сознавал, что спит и находится в машинном отделении, а когда снова появилась откуда-то Муся, он сделал усилие, чтобы проснуться, и подумал с досадой: «Ни к чему это, надо бросить...» Но проснуться он не смог.

Муся была не одна. Вокруг нее ходили итээры с верфи, они смеялись преувеличенно любезно и помогали ей надевать ботинки, которые она все снимала и отбрасывала от себя прочь. Все они

не обращали внимания на Басова, должно быть, не видали его вовсе, потому что он стоял неподвижно. Среди них был Нейман, и, что было уже совсем отвратительно, больше всех суетился именно он. Наклонялся к Мусе очень близко и заглядывал ей в глаза угодливо-нетерпеливо. А Муся держалась, как обычно при гостях, уверенно и дерзко, звонко смеялась, коротко и часто дышала, но Басов видел, что ей вовсе не весело, так как она хорошо знала, что он здесь, и только представлялась, что не видит его. Кто-то произнес его имя, но она только мельком взглянула в его сторону и покачала головой: «Ах, я не знаю, где он! Я его давно не видала».

Ей было тяжело лгать и трудно при этом улыбаться. Басов это очень ясно видел. И ему стало больно за нее так, как будто его оскорбили. Но тотчас же он вспомнил, что все это только сон, и открыл глаза.

По трапу вниз спускался Володя и издали махал ему рукой. По лицу его Басов понял, что случилось что-то.

— Минуточку! — крикнул Володя, задыхаясь. — Ты не можешь ли пойти со мной наверх? Я, кажется, там такое наделал...

— Да что случилось? — вымолвил Басов, протирая глаза. — Ну-ну, спокойнее, Володя!

— Я не волнуюсь, право, не волнуюсь, — оправдывался Володя, — но я окончательно зашился. Котельников совсем болен, лежит и глаза заводит. Все точно угорели, а я один...

— Постой, что же все-таки случилось? — спросил Басов сердито.

— Если пустяк какой-нибудь, тогда не пойду.

Володя схватил его за рукав и потянул к трапу.

— Пойдем, пожалуйста! Сначала лопнула антенна.

Пришла, понимаешь, большая волна. Корпус судна прогнулся, и мачты разошлись вот так, — он растопырил пальцы руки, показывая, как разошлись мачты. — Лопнула моя антенна, аж звон пошел. А мне с Красноводском говорить надо, и вообще... Случись авария, пойдем ко дну, никто не узнает. Вот я и стал выходить из положения — натянул проволоку, а изоляторов-то нет. Начал вызывать Красноводск — не слышит. Я и давай поднимать напряжение динамо, чтобы получить больше мощности, да, видно, перестарался. Треснуло, гарью запахло — и конец. Разобрал

машину — оказалась пробитой изоляция. Теперь уж я что-то ничего не могу придумать...

— Так ты на меня не надейся, какой же я электрик, — говорил Басов, продолжая, однако, идти за Володи́ей, — ну чем я могу помочь?

На мостике он приподнял плечи и поставил спину ветру. Сильно стемнело. Быстро меняя форму, тучи клубились совсем низко, в полумраке мелькали белые гребни волн. По грузовой палубе все так же прокатывались шипящие потоки воды, и мачтовые огни кружились широкими взмахами где-то у самых туч.

В радиорубке младший электрик Проценко, развалившись на стуле и кутаясь в клубах дыма, спокойно мусолил самокрутку. На полу валялись части разобранной машины, куски обгоревшей проволоки. Железные болты перекатывались от качки с места на место.

— Ось, дывитесь, — сказал Проценко, толкая ногой подкатившийся болт, — дывитесь, що радист зробыв. Хиба ж так можно? Ай, ай!

— Уйди отсюда! — крикнул Володя, и в голосе его зазвенели слезы. — Ты всегда под руку говоришь, когда у меня не ладится.

— Он повернулся к Басову и робко заглянул ему в лицо. — Что же делать теперь, Александр Иванович?

— Не знаю, — сказал Басов. — А это что же за штука такая, вот то, что ты испортил? Динамо, что ли?

— Динамо... — повторил Володя упавшим голосом.

Ему вдруг стало отчетливо ясно, что старший механик ничего не понимает в радио и ничем не может помочь.

Тотчас же он отошел от Басова и, присев на корточки, огорченно потрогал машину.

— Значит, эта штука твое радио питала? — допытывался Басов. — Ну, а нельзя ли ее чем-нибудь заменить? Аккумулятором, например?

Володя передернул плечами.

— Аккумулятор имеет восемьдесят вольт, а машина тысячу двести. Смешно даже... Знаешь что, — добавил он грустно, — ты уж иди, тебя там ждут, а я как-нибудь один...

— Подождут. Тысяча двести, ты говоришь? Да ведь ты сам сказал, что менял напряжение. Значит, можно и меньше дать на передатчик? Скажем, вольт шестьсот.

– Может быть, можно. Не знаю.

– Тогда надо попробовать. У нас есть аккумуляторы. Сколько их, Проценко?

– Восемь або девять... Нет, восемь.

– Ладно. Восемью восемьдесят будет шестьсот сорок вольт. Проценко, возьми кого-нибудь из палубных и притащи их сюда.

Володя поднял голову и посмотрел на Басова, приоткрыв рот. Проценко потушил самокрутку о каблук и вышел.

– Это аккумуляторами-то передатчик питать? – изумился Володя.

– Нет, не выйдет.

Басов посвистывал, рассматривая блестящие радиолампы сквозь сетчатые окошки передатчика.

– Чудесная вещь, – сказал он с любопытством, – да... Так почему же не выйдет?

– Да потому что... никто так не делает. Где это видано? Во-первых, аккумуляторов хватит ненадолго.

– Нам и не надо надолго. Только на один рейс, пока починим машину. Ну не кисни, Володька!

Басову уже не хотелось спать. Он осмотрел со всех сторон передатчик и заглянул в коридор.

– Что они там копаются? – сказал он нетерпеливо. – А ну, пошевели их, Володя!

Радист неохотно поплелся к двери.

– Тут и места-то не хватит, – сказал он уныло, – ну и придумал ты!

– Иди, иди, – торопил Басов.

Пока носили аккумуляторы, он успел открыть дверцу передатчика и заглянуть внутрь. Увидел лампы, толстые проволоочные спирали и блестящие пластины конденсаторов (их он осторожно потрогал рукой) и решил про себя, что после шторма заставит Володю объяснить ему все это.

Аккумуляторы были большие и тяжелые, они едва уместились на полу в узкой рубке, и, когда судно валилось набок, из их отверстий брызгала кислота, разливаясь по полу.

– Всю рубку загадили, – ворчал Володя, – и одежда в дырках от кислоты. Напрасно все это...

Проценко, сидя на корточках, присоединял провода, высунув от напряжения кончик языка. Неожиданно его ударило током, он вздрогнул, прикусил язык и озлился.

— Чего стоишь? — набросился он на Володю. — Помогай, с-сукин сын!

Радист присел было возле аккумулятора, но опять поднялся.

— Александр Иванович, ничего не выйдет.

— Что еще? — обернулся Басов.

— Да ведь антенны-то нет у нас. Провод я привязал прямо к вантам, потому что нет изоляторов. Вот и выходит, что напрасно стараемся.

— Разве нельзя чем-нибудь заменить изоляторы? — спросил Басов. Он нахмурился и очень внимательно посмотрел на радиста.

— И так уж половину заменили... — проворчал было Володя, но встретил затвердевшие глаза Басова и затих.

— Э, черт! — брякнул Басов нетерпеливо. — Он совсем раскис. Пойдем поищем чего-нибудь, Проценко.

— Мабудь, бутылки с-под нарзану? — предложил Проценко неуверенно. — Стекло, оно ведь изоляция.

— Правильно. Тащи бутылки!

Володя вдруг покраснел как рак, суетливо задвигался и пулей выскочил в коридор. Басов хмуро посмотрел ему вслед, а Проценко хитро сощурился и полез за кисетом.

Радист вернулся с кучей пустых бутылок и, ни на кого не глядя, принялся за дело. Он вязал гирлянды из бутылок, работая с таким остервенением, что виски и лоб его покрылись каплями пота. Потом он смотал провод в кольца и быстро вышел, звякнув бутылками.

— Пойдем посмотрим, — предложил Басов, — он теперь готов до самых клотиков долезть. Еще упадет, чего доброго!

На мостике под фонарем стояли вахтенные матросы в дождевиках и, задрав головы, смотрели вверх. Радист висел на винтовой лестнице, раскачиваясь над палубой при каждом броске судна. Он судорожно цеплялся за ванты, стараясь привязать тяжелую гирлянду из бутылок. Проценко подхватил нижний конец провода и, взобравшись на крышу рубки, прикрепил его к вводу, потом он уселся на крыше, свесив ноги, и тоже стал смотреть вверх.

– Осторожнее, Володя, – крикнул Басов, – простым узлом завяжи! Эй, сорвешься!

От фонаря на мокрую палубу ложился золотой столб света, поминутно сметаемый потоками воды, переливавшимися через борт. Ветер то налетал стремительными порывами, кидая в лицо брызги, то бессильно падал и крутил под ногами мелкую пыль. Судно осторожно кренилось, встряхивалось от пены, медленно выпрямлялось.

– Ветер падает, – сказал кто-то рядом с Басовым, – отогреться бы теперь, братцы!

Голос был сырой и хриплый, с долгой позевотой, и Басов как-то сразу почувствовал, что сам он устал смертельно и если останется теперь без дела, то тотчас заснет как убитый. Но Володя уже спустился, подошел к фонарю и пососал ободранный палец.

– Я хорошо поднял ее, – сказал он, переводя дух, – отсюда, кажется, видно. Посмотри.

Они вернулись в рубку. Радист натянул наушники, включил рубильник и постучал ключиком.

– А ведь есть генерация, – сказал он горячей скороговоркой и обернулся к Басову, как бы досадуя, что тот молчит и не выказывает радости. – Ты слышишь? Работает, говорю.

– Хорошо, – отозвался Басов, – теперь вызывай Красноводск.

Он прислушался к треску ключа и впервые вдруг усомнился. Ему представились почему-то зеленые дрожащие нити, протянувшиеся во все стороны от радиорубки. Нити взвивались над морем, как ленты серпантина, но падали в воду, не долетев до берега. «Все равно связи нужно добиться...» – подумал он упрямо, и зеленые нити погасли.

Володя долго трещал ключом, локоть его дрожал, трепетал хохолок на голове. Потом он завертел шишечку приемника, и лицо его приняло острое сосредоточенное выражение, какое всегда бывало у него во время приема на слух. Репродуктор зашипел, свистнул и забарабанил звонко, словно просыпался на стекло мелкий бисер.

Вошел Проценко, гремя каблуками, и замер у порога, бесшумно притворив дверь. Репродуктор смолк.

– Готово! – воскликнул Володя, сияя. – Они говорят, что нас слабо слышно. Если бы они знали, на чем мы работаем. Разве передать им для смеха? Ведь не поверят!

– А ты говорил – не выйдет, – поддразнил Проценко. – Хиба ты що знаешь? Ты!

Басов вышел на спардек, медленно передвигая ноги, словно налитые свинцом. Он глотнул холодного воздуха и, подняв голову, увидел в разрыве туч полоску умытого звездного неба. Ветер растратил уже свою необузданную ярость и налетал порывами. Иногда наступала тишина, и явственно слышался гул машин и шаги вахтенных на штурманском мостике.

«Спать, – подумал Басов, закрывая глаза. – Раздеться и укрыться одеялом... Нет, раздеваться долго. Снять сапоги... – Перед его глазами вереницей поплыли черные пятна, и сам он как будто кружился, стоя на месте, и плавно опускался вниз. – Теперь уже спать непременно, только посмотреть двигатели».

Кто-то промчался по спардеку и налетел на Басова в темноте.

– Александр Иванович, я вас давно ищу, – заговорил моторист Козов, цепляясь за пуговицы басовского бушлата. – Во вспомогательном двигателе неладно, топливный отсекаатель испортился. Теперь мотор развивает бешеные обороты, того и гляди – разнесет. Задоров совсем осатанел – лается и грозит судом, точно я виноват... Так уж пойдемте, Александр Иванович, сделайте одолжение!

– Говоришь, отсекаатель сломался? – спрашивал Басов на ходу. – А почему механик не остановил мотора? Истеричка с усами! Хорошо. Разбудить электриков и старшего моториста второй вахты. Быстро!

– Мустафа только что сменился, Александр Иванович.

– Слушай, что я говорю! Электрикам перейти на резервное освещение. Мотор заглушить. Разбудить Гусейна да еще слесаря Якубова. А ты не волнуйся, сейчас все уладим.

– Есть разбудить... Уж как я вас искал, Александр Иванович!

«Скверная организация, – думал Басов, направляясь в Машинное отделение, – вахтенный механик боится машин, нервничает и ругает мотористов, а мотористы бегают по всему судну, разыскивают старшего механика. Скверная организация и...

скверное руководство! В сущности, я плохой организатор, потому без меня не могут обойтись».

Он уже не чувствовал усталости, в нем закипало глухое раздражение против вахтенного механика, против мотористов, против самого себя, – раздражение, невольно заставлявшее его быть грубым и резким и возбуждавшее у подчиненных смешанное чувство страха и неприязни.

У дверей машинного отделения стоял Мустафа Гусейн, голый по пояс, в женском платке. Он потягивался, протирая глаза, и сонно улыбался.

– Поторопитесь, – сказал Басов, глядя поверх лица моториста отчужденным взглядом, – выпастись успеем потом. Да чего вы ждете, когда в машинном авария?

– Тебя жду, – промолвил Гусейн, продолжая улыбаться. – Я уже был там, остановил мотор и осмотрел его. Испорчен отсекабель, как я и предполагал. Сейчас начнем исправлять... А ты уж набросился на меня. Экой ты вредный!

– Да когда ты успел? – пробормотал Басов, краснея. – Говоришь, начали исправлять? Ну-ну...

– Меня давно позвали. А знаешь что? Тебе надо идти на боковую. Нельзя же так – вторые сутки без сна. Вон ты уж на людей бросаться начал.

– А ты не обращай внимания, – смущенно засмеялся Басов. – Это все проклятый ветер!

– Я и не обижаюсь. Только ты иди все-таки, не мешайся. Лишние люди – одна помеха, ты же сам говорил.

– Хо-хо. Гонишь, стало быть? Что ж, я пойду. А ты не напорешь, Мустафа?

– Еще что?

– Ну, прощай, Мустафа!

– Прощай.

Теперь уж окончательно спать, – думал Басов, переходя мостик.

– И вовсе никто не ждал меня, и без меня отлично могут обойтись. А организация, нет, организация тоже неплоха. Вот они уже заглушили двигатель, определили аварию и подготовили все, чтобы устранить ее. Едва ли я сделал бы это быстрее. Среди них есть лучшие, есть такие, как Гусейн, и все вместе

они лучше, чем каждый в отдельности, потому что дополняют один другого. И как я мог скверно подумать о них, когда шел сюда? И что именно я мог подумать? Нет, просто сказалась бессонница и ветер... ветер!» Powestler